

adcmemorial.org

АДЦ «Мемориал» Брюссель

<https://icipr.international/>

Международный Комитет коренных народов России

**Материалы для тематического доклада
Спецдокладчика ООН по правам коренных народов
На 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (октябрь 2025 года)**

**«Проблемы выявления, документирования, демаркации, регистрации и присвоения
коренным народам права на землю, территории и ресурсы»**

Пример Российской Федерации

Март 2025 года

Ответы на Ключевые вопросы

Каковы юридические критерии признания прав коренных народов на земли, территории и ресурсы в вашей стране? Отражают ли эти критерии традиционные системы владения жильем коренных народов? Устраняют ли они потенциальную историческую несправедливость?

Острой проблемой для коренных народов, экономика которых привязана к местам их традиционного проживания, остается неопределенность земельных прав и прав на ресурсы, находящиеся на этих землях. Российское законодательство о коренных малочисленных народах не признает их право собственности в отношении традиционных территорий. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации» (ст.8) закрепляет только право безвозмездного пользования в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционной хозяйственной деятельности и занятия традиционными промыслами, и участия в осуществлении контроля за использованием земель различных категорий. Земельный кодекс (ст.39.10 п.13) устанавливает срок такого безвозмездного пользования землями – 10 лет. Земельные права и право собственности защищены в общем порядке как индивидуальные права гражданским и земельным законодательством. Некоторые дополнительные гарантии, не связанные с особым статусом коренных народов, предоставляются законодательством по охране окружающей среды. Определенные, хотя и ограниченные возможности для закрепления прав коренных народов на землю создает Федеральный закон № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (от 07.05.2001 г.), однако в отсутствие конкретного механизма его применения власти действуют произвольно. Не определен правовой статус священных мест, и их отчуждение в пользу добывающих компаний наносит вред не только окружающей среде, но и нематериальной культуре коренных народов.

Закон № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» (ст.19) разрешает коренным малочисленным народам свободно (без разрешений) охотиться в целях осуществления традиционной хозяйственной деятельности в объемах, необходимых для личного потребления. Однако ст.25 Закона гласит, что земельные участки и лесные участки предоставляются в аренду исключительно по результатам аукционов на право заключения охотхозяйственных соглашений. Исключений из этого порядка для родовых общин коренных малочисленных народов не предусмотрено.

Каковы правовые и политические рамки, регулирующие идентификацию, документирование, демаркацию, регистрацию или присвоение прав собственности на земли, территории и ресурсы коренных народов в вашей стране?

Особые гарантии права на традиционную экономическую деятельность коренных малочисленных народов РФ содержатся в профильных законах: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (с 1999), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (с 2000), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (с 2001). На стратегическом национальном уровне – в проекте Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ на период до 2036 года (2024) – заявлена цель **«Поддержка традиционной хозяйственной деятельности и промыслов малочисленных народов Севера»**, а именно:

- а) создание и развитие промышленной и технологической инфраструктуры традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера;
- б) продвижение на внутренний и внешний рынки товаров, работ и услуг, производимых в рамках традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера;
- в) развитие туристской индустрии в местах традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера;
- г) подготовка кадров для осуществления традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера;
- д) модернизация объектов локальной генерации, расширение использования возобновляемых источников энергии, сжиженного природного газа и местного топлива в местах осуществления традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера;
- е) оказание грантовой и иной финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, занятых видами традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера, развитие межрегионального сотрудничества, кредитования и лизинга;
- ж) государственная поддержка развития северного оленеводства, проведение ветеринарных мероприятий и селекционно-племенной работы для улучшения пород северного оленя;
- з) реализация экономических мер, направленных на стимулирование создания новых рабочих мест в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера.

В России утверждены государственная программа [«Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ»](#) (2021) и [программа](#) государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ, осуществляемой в Арктической зоне РФ (2021). Действуют и различные региональные документы: законы (такие как, например, Закон Камчатского края от 22.06.2010 № 477 «О государственной поддержке северного оленеводства в Камчатском крае»); программы, такие как «Молодой оленевод» (с 2020) в Республике Саха; стратегические документы, такие как «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Республики Саха на период до 2035 года» и под.

Приоритеты и задачи, обозначенные в этих документах, включают развитие международного сотрудничества, инвестиционные проекты с иностранным участием, развитие связей коренных народов РФ с коренными народами других стран арктической зоны – всё это в условиях военной агрессии России против Украины, санкций, государственной пропаганды враждебности к другим странам в настоящее время не представляется возможным.

Каковы основные юридические или процедурные барьеры при осуществлении процедур признания, идентификации, документирования, демаркации, регистрации и присвоения прав собственности на земли, территории и ресурсы коренных народов? Как устраняются эти барьеры?

Эксперты-социологи определяют государственную политику России по отношению к коренным малочисленным народам как «патерналистскую», направленную на «консервацию» традиционной культуры, в том числе в аспекте традиционной экономики, в определенной степени добывающейся этой «консервации» (по крайней мере, в некоторых регионах и для некоторых видов традиционной экономики). Имеется в виду, что государство играет главную роль в формировании этой политики, субсидирует традиционную экономику (в частности,

убыточные ее виды, такие как оленеводство) и при этом не предоставляет коренным народам широкой автономии, ограничивает участие коренных народов в принятии решений по вопросам, которые прямо их касаются, ограничивает их права на пользование землей и ресурсами, не дает широких полномочий институтам и органам самоуправления коренных народов. Активисты из числа коренных народов нередко говорят о том, что такой подход превращает коренные народы в «фольклорную нацию», экзотизирует их, в то время как традиционная экономика и, соответственно, идентичность коренных народов переживает кризис. В то же время в экспертных работах можно встретить утверждения о том, что патерналистская политика властей формирует у коренных народов «иждивенческое отношение» к государственной поддержке, что они не склонны проявлять инициативу, в том числе искать новые пути развития традиционной экономики.

Между тем, в постсоветское время государство гасило предпринимательский потенциал коренных народов в тех отраслях, которые могут быть прибыльными (в отличие, скажем, от оленеводства, которое во всех странах, где оно существует, дотационно). Это можно проследить на примере изменений законодательства и практик, касающихся рыболовства. В результате на Дальнем Востоке РФ сверхприбыли получают крупные предприятия, не имеющие отношения к коренным народам; приоритетное право коренных народов на участки и квоты стремятся распространить только на «традиционное рыболовство» для личных нужд, в то время как хозяйственные объединения коренных народов лишаются преференций и не выдерживают конкуренции с крупными игроками; создаются огромные формальные препятствия для подачи заявок на участки и квоты; имеет место перекупка общин с целью воспользоваться льготами коренных народов. Эксперты отмечают, что общины коренных народов, будучи фактически особым сектором региональной экономики, не отнесены в законодательстве ни к сельхозпроизводителям, ни к субъектам малого бизнеса, что ограничивает их доступ к участию в экономической деятельности.

Можно заключить, что в государственном подходе России к правам коренных народов недостает понимания того, что без делегирования широких прав и самостоятельности коренным структурам, без развития их самоуправления и уважения суверенитета не приходится ожидать ни инициативности, ни справедливых отношений между коренными народами и добывающим бизнесом, имеющим несравнимую экономическую мощь. Фактически, коренные общины, ведущие традиционный образ жизни, оказываются в полной зависимости от государственных субсидий и нестабильных компенсаций со стороны бизнеса, которых может быть достаточно только для того, чтобы свести концы с концами, но не хватает для инвестиций в развитие традиционной экономики и ее перехода на качественно иной уровень.

Объективные статистические показатели говорят о том, что уровень жизни коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни и /или живущих на территориях традиционного проживания, остается значительно ниже, чем в среднем по региону проживания или по стране в целом.

Примеры:

В Ямало-ненецком автономном округе (ЯНАО) насчитывается около 47,5 тыс. человек, относящихся к коренным народам (8,8% населения округа; из них наиболее многочисленны ненцы— 29 тыс. человек, или почти 6% от всего населения ЯНАО). Более 19 тыс. человек (41,0% от общей численности коренного населения, или 3,6% от общей численности населения ЯНАО) заняты в сфере традиционного природопользования – оленеводство, рыбная ловля, охота (данные Правительства ЯНАО, 2021). **Совокупный доход членов оленеводческих семей в среднем ниже прожиточного минимума в России на 33%.** Только около 25% семей кочевников имеют жильё в посёлках (данные 2017 года). Источник: См. Е. Ф. Гладун, С. Нистен-Хаарала, С. А. Тулаева, О. В. Захарова. [Экономика коренных народов в арктических регионах](#): традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) // Экономическая социология. Т. 23. № 3. Май 2022.

Оленеводческая деятельность в Красноярском крае убыточна, а ключевой статьёй доходов оленеводческих хозяйств в реальности становятся государственные субсидии на текущие расходы и покрытие убытков. Процент коренного населения, занятого в оленеводстве на севере Красноярского края, незначителен (в Таймырском муниципальном районе –7,5%, в Эвенкийском – 6,8%, в Туруханском – 6,2%). Официальная статистика (Красноярскстат, данные 2020 года) показывает, что **средняя зарплата в сельском хозяйстве (где учитывается оленеводство) северного макрорайона составляла лишь около 30% (31,7 тыс. руб.) от**

средней по макрорайону (ок. 102 тыс. руб.) (Nataliia P. Koptseva and Olga S. Nagaeva. [Traditional Economy of Indigenous Peoples of the North](#) in the Krasnoyarsk kray. 2023).

Созданы ли механизмы для проведения конструктивных консультаций и эффективного участия коренных народов в процессе идентификации и признания?

Формально во многих исполнительных органах субъектов РФ созданы структурные подразделения по делам коренных малочисленных народов, координирующие реализацию региональных программ. При главах и правительствах регионов сформированы советы представителей коренных малочисленных народов. В Камчатском и Красноярском краях, Сахалинской области, в Республиках Саха (Якутия) и Бурятия учреждены независимые институты уполномоченных по правам коренных малочисленных народов. Однако фактическое участие коренных народов в вопросах, имеющих к ним прямое отношение, ограничено по следующим причинам.

Во-первых, деятельность независимых активистов и защитников прав коренных народов криминализована. Репрессии российских властей против гражданского общества в последнее десятилетие усиливались, и такие формы преследования, как признание «иностранным агентом» и подобные, коснулись и организаций коренных народов. После начала войны России против Украины преследование усилилось и в 2024 году дошло до того, что ведущие формальные и неформальные группы коренных активистов были сначала внесены в список «экстремистских» организаций (Абориген-форум, Международный Комитет коренных народов России, Indigenous Russia), а затем «террористических» (Абориген-форум, Международный Комитет коренных народов России).

Во-вторых, имеет место замена независимых активистов лояльными представителями НКО коренных народов, фактически финансируемые государством и добывающими компаниями. На международном уровне представители коренных ГОНГО (зависимых от государства НКО) продвигают позиции российских властей и лоббируют отмену санкций против российского бизнеса. См. подробнее [доклад](#) Международного комитета коренных народов России «РАЙПОН: превращение из независимого проводника изменений в инструмент государственной пропаганды». Подконтрольность РАЙПОН обеспечивается не только с помощью государственного давления и внедрения туда лояльных лидеров, но и посредством финансирования ассоциации крупными добывающими компаниями, в частности — «Норильским никелем». См. также [Исследование Арктиды. Верстки и 7x7](#) «Они работают на благо верхушки». Как Ассоциация коренных малочисленных народов стала инструментом обогащения и лоббизма», освещающее зависимость от бизнес-структур и лоббизм в пользу крупных компаний, аффилированность с партией «Единая Россия» и государственными органами, коррупционные связи чиновников, зарабатывающих на теме коренных народов. В докладе подчеркивается, что через выступления лояльных представителей коренных народов в ООН лоббируется снятие санкций с российских компаний.

В этих обстоятельствах любое участие в общественной, правозащитной, политической деятельности в сфере прав коренных народов, в том числе касающееся права на традиционную экономику, может быть поставлено вне закона, что открывает огромное поле для манипуляций со стороны бизнес-структур и органов власти.

Если отвлечься от проблемы криминализации, то российское законодательство, хоть и не закрепляя формально принцип СПОС, дает некоторые возможности для участия коренных общин в процессах принятия решений и управления своими территориями и ресурсами. Однако на практике земли изымаются в пользу добывающих компаний без необходимых согласований или с их фальсификацией.

Пример:

Возле поселков коренного малочисленного народа шорцев в Республике Хакасия, на юридически признанной территории традиционного проживания, разработка участков золотодобычи началась без какого-либо информирования и разрешения со стороны местных жителей. Внезапно началась работа тяжелой техники, вырубка леса, доступ к охотничьим угодьям, местам сбора ягод и грибов, кладбищу был перекрыт контрольно-пропускным пунктом. Подробнее см. доклад АДЦ «Мемориал» [«Коренные народы тайги страдают от добычи речного золота»](#) (2021).

Частью диалога коренных народов, бизнес-структур и контролирующих государственных органов может стать этнологическая экспертиза – всестороннее научное исследование потенциального воздействия планируемой деятельности добывающих компаний на коренные народы и их традиционные территории. В настоящий момент на федеральном уровне такая экспертиза не является обязательной, хотя она упоминается в законе №82-ФЗ «[О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации](#)». Проект федерального закона об этнологической экспертизе (2018) находится на начальной стадии обсуждения. На региональном уровне действуют [закон об этнологической экспертизе принят в Республике Саха \(Якутия\)](#) (2010) и в Ханты-Мансийском автономном округе – [Модельное соглашение](#) недропользователей с субъектами права традиционного природопользования об использовании земель для целей недропользования в границах территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

Как позитивную сторону своей деятельности рассматривает добровольную этнологическую экспертизу промышленный гигант – комбинат «Норильский никель». Следует отметить, однако, что первую масштабную экспертизу комбинат заказал после того, как по его вине случилась экологическая катастрофа, нанеся огромнейший ущерб коренным народам Таймыра – нганасанам и долганам (2020, утечка более 21 тысячи тонн дизельного топлива, из них около 6 тыс. тонн попали в грунт, и 15 тыс. тонн в реку Далдыкан, правый приток реки Амбарной, а по ней сначала попали в крупное озеро Пясино (площадью 735 км²), из которого по реке Пясино дошли до Карского моря). Сразу после аварии, ставшей чрезвычайно ситуацией федерального масштаба, комбинат пытался скрыть информацию и препятствовал работе журналистов-расследователей.

Критически оценивая 15-летний опыт проведения государственной этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия), эксперты приходят к выводу о том, что в существующем виде этнологическая экспертиза не может считаться полноценной формой участия коренных малочисленных народов в принятии решений, которые их прямо касаются. Отмечается, что в конечном итоге экспертиза носит формальный характер и дает промышленной компании стандартный набор рекомендаций (трудоустроить коренных жителей, выделять средства на культурные мероприятия, строить дороги и т.п.) и переводит сложные материи ресурсного конфликта коренных общин и промышленников в простую практическую плоскость: оценку убытков и размера компенсаций. Выплата компенсаций, в свою очередь, а также довольно формальный мониторинг воздействия бизнес-проекта по мере его выполнения, в сущности, снимает с компании ответственность за процессы, которые в дальнейшем будут происходить с коренными общинами, и прекращает диалог коренных народов и промышленников (см. А.С.Басов. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2).

Каким образом гендерная проблематика учитывается в процессе идентификации, документирования, демаркации, регистрации и присвоения прав собственности на земли, территории и ресурсы коренных народов в вашей стране?

Эксперты признают, что учет гендерной проблематики в контексте земельных прав и прав на ресурсы в настоящее время ведется очень слабо. Тем не менее, отдельные исследования показывают, что женщины из числа коренных малочисленных народов более решительно настроены против промышленного освоения традиционных территорий и приоритизируют такие вопросы, как ухудшение экологической обстановки и условий проживания коренных народов вследствие промышленной деятельности. Мужчины же проявляют большую гибкость и воспринимают промышленную деятельность добывающих компаний скорее как неизбежную данность. Следовательно, поскольку в патриархальных коренных сообществах решения принимают скорее мужчины, мнение женщин остается не до конца учтенным. (См. Потравная Е. В. Гендерные особенности восприятия экологических проблем коренными народами Севера России // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 72-84.)

Существуют ли случаи, когда земли коренных народов пересекаются с другими претензиями или видами использования земель, территорий и ресурсов (например,

индивидуальные права собственности, природоохранные зоны, предприятия и добывающие отрасли, а также претензии других коренных народов)? Как разрешаются такие конфликты при идентификации, документировании, демаркации, регистрации и присвоении прав собственности на земли коренных народов?

Земельный кодекс позволяет изымать земельные участки у частных лиц в целях публичных интересов (ст. 49). С 1 апреля 2015 года для реализации масштабных проектов в Земельный кодекс было внесено дополнение, согласно которому федеральные, региональные или местные органы власти могут принять решение об изъятии земли не только по своей инициативе, но и по ходатайству субъектов естественных монополий, недропользователей и иных организаций (п.4 ст.56.3 Земельного кодекса РФ). Процедура изъятия включает множество правил и условий, в том числе компенсацию убытков и предварительное возмещение стоимости земельного участка, в случае угледобычи – экологическую экспертизу и изменение целевого назначения земли, что предполагает общественное обсуждение.

Однако на практике земли изымаются в пользу добывающих компаний без необходимых согласований или с их фальсификацией.

Пример: в Хакасии угольные компании, действуя при полной поддержке со стороны властей, добиваются разрешения на ведение промышленной деятельности и изымают сельскохозяйственные земли под строительство промышленных объектов.

Впервые жители хакасских сел столкнулись с нарушением прав собственности и прав на землю в 2013 году, когда в Койбальской степи две крупные угольные компании — ООО «УК «Разрез Майрыхский» и ООО «Разрез Аршановский» – начали разработку угля, несмотря на отсутствие разрешений и протесты местного населения.

В 2018 году разрез «Майрыхский» получил лицензию на разработку недр на новом участке Бейский-Западный, где располагаются фермерские хозяйства коренных жителей, на которых находятся пастбища и сенокосы, а также мелиоративные каналы, снабжающие водой озера Койбальской степи. Для фермеров эти земли – основа заработка.

Для согласования строительства новых разрезов с местным населением с октября 2018 года по март 2019 года представителями угольных компаний, как того требует законодательство, были организованы общественные слушания. Жители практически единогласно проголосовали против строительства. Несмотря на это, представители угольной компании, при поддержке республиканских властей и в нарушение законодательства и регламента проведения общественных слушаний, добились разрешения на начало строительства путем фальсификации голосов. Впоследствии Департаментом по недропользованию по Центрально-Сибирскому округу было издано 14 приказов об изъятии более 50 земельных участков у 44 собственников в пользу угольных разрезов. Кроме того, Правительство Республики Хакасия выпустило постановление о переводе 17 земельных участков, расположенных в Бейском районе, из категории земель сельскохозяйственного назначения в категорию земель промышленности назначения.

Владельцы земельных участков многократно обращались в суд и добились признания недействительным этого решения правительства Республики Хакасия (определения от 12 марта 2020 года, Пятый апелляционный суд общей юрисдикции). Тем не менее, несмотря на определение об отказе в переводе 17 земельных участков из сельскохозяйственного назначения в промышленное, угольщики продолжили незаконно вести на них геологические работы.

В случае с золотодобычей общины коренных народов также практически исключены из процесса принятия решений о выдаче лицензий в отношении территорий традиционной хозяйственной деятельности.

Так, разработка участков «Магызинская площадь» и «Бальксинский», принадлежащих ООО «Артель старателей «Хакасия», находящихся в непосредственной близости от одного из шорских поселков в Хакасии, началась без какого-либо информирования и разрешения со стороны местных жителей. При этом оба участка располагаются на землях, включенных в реестр территорий традиционного проживания и природопользования шорцев.

О том, что их земли были отданы золотодобывающей артели, жители поселка узнали только тогда, когда в непосредственной близости от жилой зоны стала появляться тяжелая техника и начались промышленные работы, сопровождающиеся вырубкой леса. У многих жителей Неожиданного тогда были уничтожены сельскохозяйственные угодья, а единственная дорога, ведущая от поселка в лес – к охотничьим угодьям, к местам сбора ягод и грибов, а также к кладбищу, оказалась перекрыта контрольно-пропускным пунктом, через который могут проезжать только работники артели.

Идентичная ситуация с нарушением принципа СПОС сложилась и в Кемеровской области, где, в отличие от ситуации в Республике Хакасия, на уровне субъекта федерации не создано ТТП коренных малочисленных народов, хотя представители коренных общин на много лет напоминают властям о необходимости их создания.

Не будучи внесены в ТТП, шорские поселки, затронутые золотодобычей, внесены в федеральный перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, утвержденный Постановлением Правительства РФ №631-р от 8.05.2009. Тем не менее, в последние годы Сибнедрами было выдано не менее трех лицензий на добычу рассыпного золота в районе шорских поселков без проведения каких-либо публичных слушаний.

Примеров успешной судебной борьбы с изъятиями земель под угольные разрезы немного.

Важное судебное решение было принято в 2018 году: Беловский районный суд (Кемеровская область) [признал](#) незаконными приказы Департамента по недропользованию (Сибнедра в Сибирском федеральном округе) об изъятии четырех частных участков земли под разрезы в поселке Менчереп Беловского района и не нашел «государственной нужды» в таком изъятии. На участках планировали добывать уголь открытым способом, передав их в пользование частной компании ООО «Стройпожсервис».

Учитываются ли в процессах идентификации, документирования, демаркации, регистрации и присвоения прав собственности на земли, территории и ресурсы коренных народов в вашей стране прибрежные районы, а также морские территории и ресурсы?

Коренные малочисленные народы имеют некоторые преференции при пользовании водными ресурсами. Их регулирует [Федеральный закон N 166-ФЗ "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов"](#) (2004); Ст. 25. Рыболовство в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

Порядок осуществления рыболовства коренными народами регулируется Приказом Минсельхоза России от 01.09.2020 N 522 «Об утверждении Порядка осуществления рыболовства в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ».

Как вы предотвращали и решали случаи запугивания и репрессий в отношении защитников прав коренных народов на земли?

Представителям коренных народов приходится в суде защищаться от уголовного преследования, связанного с ведением традиционного образа жизни (обвинений в незаконной охоте или рыболовстве из-за неадекватных квот) и противостоянием добывающим компаниям.

В сентябре 2021 года в Ханты-мансийском автономном округе было возбуждено уголовное дело против Сергея Кечимова, ханта, после конфликта с сотрудниками компании «Сургутнефтегаз». Он протестовал против вырубки и нефтедобычи на традиционных землях общины хантов. В декабре 2021 года Кечимов был осужден к ограничению свободы по статье «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». В 2017 году Кечимов уже был осужден по той же статье к общественным работам. В декабре 2022 года у Кечимова произошел конфликт с полицейскими, после чего на него возбудили уголовное дело о применении насилия. В 2024 году Кечимов умер от рака.

Реакция международных правозащитных структур, в том числе ООН, помогла защитить от преследований защитников прав шорского народа Яну и Владислава Таннагашевых, однако они были вынуждены эмигрировать и просить политического убежища за пределами России. После выступления в июле 2022 года на 15-й сессии Экспертного механизма по правам коренных народов от имени Международного Комитета коренных народов России Яна Таннагашева подверглась словесной атаке и запугиванию со стороны дипломата из постоянного представительства России в ООН. На этот инцидент отреагировали четыре Специальных докладчика ООН (Ref.: AL RUS 15/2022, 6 октября 2022 года).

